

КОРМЧИЙ

Номеръ 42-й.

Адресъ редакціи:

Москва, Б. Ордынка, д. 27, кв. 10, святи. С. С. Липидевского. Телеф. № 53-09.

ГОРОДСКАЯ ПОДПИСКА.

Кромѣ Редакціи принимается: 1) въ конторѣ Печковской, въ Петровскихъ линияхъ, 2) въ кн. скл. Отдѣла. Каретн. рядъ, Лиховъ пер. Иногородніе исключительно обращаются въ контору Редакціи.

12 октября 1913 г.

Условія подписки:

На годъ (съ перес.) 4 р. — к.
 > полгода 2 > 50 >
 > мѣсяцъ — > 50 >
 На годъ (безъ перес.) 3 > 50 >
 > полгода 2 > — >

Объявленія въ «Кормчѣ».

Приним. по 20 к. за стр. петита въ 1/2 шир. стр. въ Ред. у Печковской (Петр. линіи), въ Конторѣ Л. Метцль. При перем. адреса прилаг. прежній печати. адр. и 80 к. (почт. марк.).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ:
 * НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ. *

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

О всемилостивая Госпоже Дѣво, Владычице, Богородице! Услыши насъ молящихся Тебѣ, и яви милость Твою на людехъ Твоихъ, моли Сына Своего избавитися намъ отъ всякаго зла, и сохрани насъ благочестно прибогающихъ и призывающихъ имя Твое святое, отъ всякія напасти, губительства, глада, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплемениковъ и междоусобныя брани, отъ всякія болѣзни, и всякаго обстоянія, да ни ранами, ни прещеніемъ, ни моромъ, ни всякимъ праведнымъ гнѣвомъ Божиимъ умалятся рабы Твои: по соблюдай и спасай милостію Своею, Госпоже, за ны молящихся, и полезное благораствореніе воздуха ко времени плоднаго при-

Изображеніе святой иконы „ЦѢЛОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ“.

ношенія намъ даруй: облегчи, возстави и помилуй, премилостивая Владычице, Богородице Пречѣтая, во всякой бѣдѣ и нуждѣ сущія. Помяни рабы Твоя, и не презри слезъ и воздыханія нашего, и обнови насъ благостію Своея милости, да со благодареніемъ утѣшаемся, обрѣтше Тя помощницу. Умилосердися, Госпоже Пречистая, на немощныя люди Твоя, надеждо наша: разсѣянныя собери, заблуждшія на путь правый настави, отпадшія отъ благочестивыя отеческія вѣры паки возврати, старость поддержи, юныя вразуми, младенцы воспитай и прослави славящія Тя, изряднѣе же, Церковь Сына Твоего соблюди и сохрани въ долготу днй.

Путеводные огоньки.

Счастье.

Истинное счастье есть, полного—нѣтъ, и не можетъ быть на землѣ. Земное счастье безъ нѣкоторыхъ неудовольствій быть не можетъ, такъ же, какъ нарисованные цвѣты безъ тѣней, или какъ роза безъ шиповъ.

Роза, покрытая терніемъ, дѣлаетъ людямъ слѣдующее прекрасное наставленіе: „все, что есть пріятнѣйшаго въ этомъ мірѣ, о смертные, смѣшано съ горестію; вы не имѣете здѣсь чистыхъ благъ, но и вездѣ и во всемъ примѣшано какое-нибудь зло къ добру: съ удовольствіемъ соединено раскаяніе, съ супружествомъ—вдовство, съ изобиліемъ—труды и заботы, съ возвышеніемъ—страхъ паденія, съ знатностію—лишнія издержки, съ утѣхами—пресыщеніе, съ здоровьемъ—болѣзни“ (Св. Васил. Велик.).

Многіе богатство имѣютъ, но не имѣютъ здравія, мира, покоя и добраго имени. И на великолѣпномъ ложѣ можетъ томить человѣка безсонница.

„Князь и вельможа—до гроба только князь и вельможа“, говоритъ св. Тихонъ Задонскій

Счастье скоро, проходитъ: кто удержитъ его?—Кто воспрепятствуетъ, чтобы сіяніе свѣтлаго дня не становилось время отъ времени блѣднѣе, и не простерлась тѣнь и не наступила густая тьма съ грозю въ томъ мѣстѣ, на которомъ недавно при блескѣ свѣта вѣяли весенніе вѣтры?

Каждый лучъ солнца, изрѣдка пробивающійся изъ-за облаковъ, и быстро опять сокрывающійся за ними, напоминаетъ намъ о быстротечности нашихъ радостей, о непостоянствѣ земного счастья.

Когда увидишь у порога своего бѣдную одежду нищаго, вспомни, что завтра ты можешь быть бѣднѣе его.

„Не привязывай своего сердца къ тому, что проходитъ, какъ тѣнь,—измѣнчиво, какъ облако,—не прочно, какъ паръ,—непостоянно, какъ дыханіе вѣтра. Что было бы съ нами, если бы земное наше счастье было постоянно, когда и при непостоянствѣ его мы столько къ нему привязаны“, поучаетъ св. Григорій Богословъ.

На семь свѣтъ истинно счастливы только тотъ, кто счастья не желаетъ, а несчастья не боится. Посему въ скорбяхъ не унывай, въ счастья не превозносись.

„Многіе думаютъ, что человѣку труднѣе сохранить величіе духа въ то время, когда онъ изъ счастливаго дѣлается несчастнымъ; а я полагаю, что всего труднѣе сохранить смиреніе тому, кто изъ злополучнаго состоянія переходитъ въ счастливое“, говоритъ св. Исид. Пелус. Посему не чванься въ счастья: когда случится бѣда, тебѣ придется смириться, и ты покажешься низкимъ потому только, что держалъ себя слишкомъ высоко.

„Не сокрушитъ того никакое бѣдствіе, кому не вредитъ никакое счастье“, разсуждаетъ Блаженный Августинъ.

ОТВѢТЫ НА НЕДОУМѢННЫЕ ВОПРОСЫ

О ПРЕДМЕТАХЪ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

Отвѣтъ № 201.

О современномъ богоискательствѣ и Божественномъ Откровеніи.

Нашъ вѣкъ — блестящій вѣкъ „прогресса“, всевозможныхъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій въ жизни человѣческой, стяжалъ себѣ печальную извѣстность страшнымъ упадкомъ въ людяхъ вѣры въ Бога и дерзкимъ отрицаніемъ религіи христіанской.

Красивая, блестящая и богатая со внѣ жизни современнаго человѣчества таитъ въ себѣ великое духовное оскудѣніе, великій нравственный разладъ человѣка съ самимъ собой,—разладъ, который нерѣдко граничитъ какъ будто съ совершеннымъ помраченіемъ ума человѣческаго.

Человѣкъ потерялъ вѣру въ Бога, но жить безъ Бога онъ не можетъ и, что всего страшнѣе, не можетъ даже разумно *мыслить* безъ Бога. Во мракѣ жизни ищетъ онъ Бога и не находя Его, съ отчаяніемъ говоритъ: „нѣтъ Бога!“ Я долженъ жить и страдать на землѣ одинъ, безъ Бога! Но — для чего жить, и какъ жить? Вотъ—гдѣ начало ужасной душевной драмы невѣрующаго человѣка, который потерялъ въ жизни... Бога... Въ сочиненіи

известнаго философа Ницше есть глубокотрагическая страница о томъ, какъ люди „убили Бога“. Въ потрясающей картинѣ этотъ несчастный философъ, окончившій жизнь сумасшествіемъ, изображаетъ помѣшаннаго человѣка, который среди бѣлаго дня съ зажженнымъ фонаремъ бѣгаетъ по улицамъ города и кричитъ: „гдѣ Богъ? гдѣ Богъ?... Я вамъ скажу—гдѣ. Мы Его убили—вы и я. Мы все Его убійцы! Но какъ могли мы это сдѣлать?!... Какъ могли мы выпить море“?... („Веселая наука“).

Вмѣстѣ съ потерей вѣры въ Бога человѣкъ утрачиваетъ нравственный смыслъ жизни, мучится „неразрѣшимой загадкой“ жизни и томится тоской безцѣльнаго существованія. Одинъ изъ современныхъ свѣтскихъ писателей такъ опредѣляетъ душевное состояніе человѣка, невѣрующаго въ Бога. „Ежели я—не болѣе, чѣмъ „явленіе“, *пузырь*, сегодня вскочившій на поверхности невѣдомой стихіи, что бы завтра лопнуть, то ужъ лучше бы мнѣ *ничего не знать*, чѣмъ, зная это, согласиться на такой *безмысленный позоръ и ужасъ*“ (Д. Мережковский. „Не миръ—но мечъ“. СПб. 1908 г.). Вотъ крикъ отчаянія невѣрующаго человѣка! Но эти слова отчаянія, которыми писатель такъ хорошо выразилъ состояніе мятущейся отъ боли души человѣческой, лишенной вѣры,—эти слова, по существу своему, давно уже намъ знакомы. Они давно уже имѣютъ свою исторію. Если теперь въ нашъ двадцатый вѣкъ это отчаяніе выразилось въ чувствѣ „позора и ужаса“, то же отчаяніе—во времена Лермонтова было выражено поэтомъ въ формѣ мучительнаго разочарованія въ жизни и холоднаго презрѣнія къ ней, какъ къ пустой и глупой шуткѣ“ (стихотв. „И скучно и грустно“). Да и ни къ чему иному не можетъ придти человѣкъ, отравленный болѣзью—невѣріемъ въ Бога и отрицаніемъ религіи.

Начала этой болѣзни, начала религіознаго невѣрія проникли въ наши высшіе, образованные классы еще въ 18-мъ столѣтіи, когда вмѣстѣ съ идеями великой французской революціи были посянаны въ нашемъ обществѣ и сѣмена атеизма. Особенно сильныя успѣхи атеизмъ сдѣлалъ за послѣднее полстолѣтіе въ вѣкъ расцвѣта положительной философіи и матеріализма. Такихъ людей, какъ Базаровъ („Отцы и дѣти“, Тургенева), который въ будущемъ для себя ничего, кромѣ „лопуха на могилѣ“, предвидѣть не могъ,—такихъ людей сдѣлалось большинство въ нашей интеллигентной средѣ. Дошло до того, что еще очень недавно найти религіознаго человѣка въ этой средѣ было довольно трудно. Но въ настоящее время въ религіозно-нравственной жизни общества замѣчается довольно рѣзкій *переломъ* и особое направленіе, которое получило характерное названіе—„богоискательства“. Это „богоискательство“, отмѣченное еще

великимъ Достоевскимъ“ („Бѣсы“, „Братья Карамазовы“), особенно ярко выступаетъ въ современной художественной литературѣ.

Литература отражаетъ жизнь. Не нужно особенно внимательно присматриваться къ современной литературѣ, стоитъ раскрыть только любой журналъ или сборникъ, чтобы видѣть, какими нужными и важными стали теперь религіозные вопросы, которые постоянно затрогиваются въ произведеніяхъ нашихъ коринеевъ художественной литературы (Л. Андреева, М. Горькаго, Куприна, В. Зайцева и др.). Вопросъ о Богѣ и Его сущности сталъ теперь однимъ изъ самыхъ первыхъ, „большихъ“ вопросовъ. „Есть Богъ или нѣтъ? Гдѣ Онъ? Если есть Богъ, то зачѣмъ допускаетъ Онъ ужасъ страданій, коими такъ богата жизнь человѣка? Несчастный, проклятый міръ! Безсильная, жалкая жизнь! Зачѣмъ Богъ, если Онъ благу и всемогущъ, сотворилъ человѣка на безсмысленную ужасную жизнь?!“ (Л. Андреевъ. „Жизнь человѣка“). Мрачный ужасъ передъ жизнью наполняетъ душу человѣка, не имѣющаго Бога. У него нѣтъ силъ осмыслить и понять свою жизнь со всеми ея страданіями и видимой безсмыслицей, и вотъ онъ бросаетъ дерзкій вызовъ неизвѣстному для него Богу, вступаетъ съ Нимъ въ борьбу (Л. Андреева. „Жизнь Вас. Фивейскаго“). Въ Библии есть разсказъ о томъ, какъ Іаковъ боролся съ Ангеломъ до зари. Такая же настойчивость борьбы съ Богомъ, борьбы до тѣхъ поръ, пока не взойдетъ заря въ душѣ человѣка, освѣщающая весь мракъ его жизни, замѣчается и въ современной литературѣ... Человѣкъ жаждетъ Бога и вѣры, ищетъ разрѣшенія тайны, окутывающей человѣческую и міровую жизнь, ждетъ отвѣта на вѣчные тревожные и страшные вопросы, но самъ не знаетъ, какъ и гдѣ получить эту вѣру, какъ разрѣшить эти вопросы. Вообще, результаты современнаго „богоискательства“ очень неопредѣленны и печальны. Люди ищутъ Бога въ одиночку и впотѣмахъ: одни приходятъ къ мысли, что Богъ есть, но познать Его невозможно, и Онъ „занятъ небомъ, не землей“, другіе полагаютъ, что Богъ есть какая-то безличная міровая Любовь (Л. Толстой), третьи говорятъ, что Богъ—это „душа народная“ (М. Горькій. „Исповѣдь“) и т. д. и т. д. Большинство же „богоискателей“, отчаявшись собственными силами найти истину, или впадаютъ въ оцѣпенѣлое равнодушіе, или приходятъ къ дерзкому отрицанію религіи и богохульству, иные же предпочитаютъ добровольно уйти изъ этого для нихъ заклятаго міра. Увеличивается число самоубійствъ и преступленій, жить становится невыносимо тяжело, и людей начинаетъ охватывать тоска, близкая къ той, которою заболѣлъ античный міръ въ эпоху упадка и разложенія.

Когда Гоголь писалъ, что современная ему жизнь измелъчала и съ тоской восклицалъ: „пусто, мѣтила кругомъ! Боже, какъ скучно стало жить на свѣтѣ!“ („Изъ переписки съ друзьями“), то въ этомъ, кажется, сказалось какое-то невольное пророчество нашего писателя, который болѣлъ душой за наше будущее. Только слова его: „какъ скучно стало жить на свѣтѣ“, — слѣдуетъ *теперь* замѣнить: „какъ страшно стало жить на свѣтѣ — среди повальныхъ самоубійствъ, дикихъ страстей, преступленій и отчаянныхъ страданій человѣческихъ!“... Но всѣ эти жизненные удары, толчки, всѣ эти страданія имѣютъ, конечно, свой глубокий смыслъ. „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“, давно уже сказала Библия; давно уже сказала она, что будетъ наказываться человѣкъ за гордое направленіе своихъ мыслей, отвергающихъ существованіе Высшей Духовной Силы въ мірѣ, отвергающей Божество и Его законы. И во времена Библии было невѣріе или атеизмъ. Библия съ нимъ хорошо знакома, и эту болѣзнь она назвала особеннымъ характернымъ названіемъ — именно „безуміемъ въ сердцѣ“. „Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“ (Псал. 13, 1).

Куда же, какъ не къ св. Библии, этому живому первоисточнику религіи христіанской, обратиться намъ въ нашъ безбожный вѣкъ съ нашимъ томительнымъ невѣріемъ и безотчетной жаждой вѣры, съ нашей душевной тоской и мрачнымъ отчаяніемъ жизни безъ Бога?! Библия хорошо знаетъ не только „безбожіе“ или невѣріе человѣческое, но и то тревожное „богоискательство“ и „богоборство“, которое замѣчается въ наши дни, — какъ хорошо знаетъ и твердую, свѣтлую вѣру въ Бога Живаго и Вѣчнаго. Достаточно раскрыть, напр., псалмы Давида. Вотъ псаломъ 41: „Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сиче желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже“...

„Я утомился жизни битвой,
И онѣмѣлыя уста
Не освѣжаются молитвой.
Меня обходитъ клевета,
И поносители лукавы
Ругаясь злобно для забавы,
Твердятъ всечасно: Гдѣ жъ твой Богъ?
Но я, я знаю Твой чертогъ,
И ясно видятъ сердца очи
Сію таинственную сѣнь,
Гдѣ Твой, безъ солнца и безъ ночи,
Горитъ, не погасая, день“...

(Перел. Глинки).

А вотъ — блаженство вѣрующаго человѣка — въ первомъ псалмѣ:

„Блаженъ, кто мудрости высокой
Послушенъ сердцемъ и умомъ,
Кто при лампадѣ одинокой
И при сіяніи дневномъ
Читаетъ книгу ту святую,
Гдѣ явенъ Божескій законъ“...

(Перел. Языкова).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Богословскій.

Жизнь вѣчная.

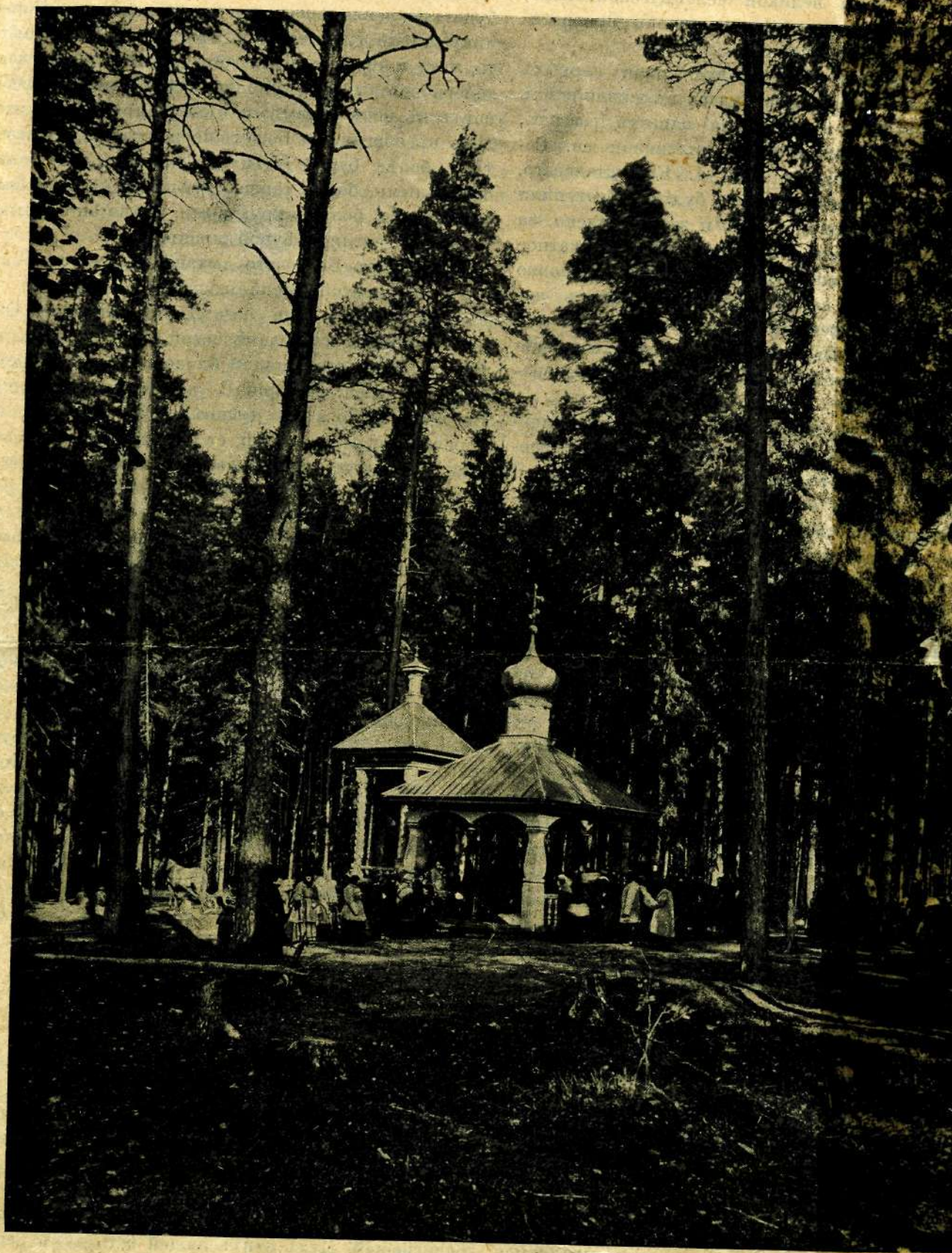
Въ основаніи всѣхъ почти религій мы находимъ вѣрованіе въ загробную жизнь, хотя и выражающееся часто въ грубой формѣ. Это чаяніе вѣчной жизни, которое искони существовало въ человѣческомъ духѣ, какъ нѣчто свыше прирожденное ему, получило полное и совершенное развитіе въ христіанствѣ. Все христіанское міровоззрѣніе связано самымъ неразрывнымъ образомъ съ понятіемъ о вѣчной жизни. Вѣчная жизнь — это основаніе, на коемъ возвышается все высочайшее строеніе христіанскаго ученія.

Если въ другихъ религіяхъ существовало и существуетъ только смутное чаяніе загробной жизни, при томъ же искаженное разными человѣческими суевѣріями, то въ христіанствѣ это чаяніе превращается въ полную увѣренность, — въ фактъ, совершившійся предъ людьми.

Какое значеніе Христосъ придавалъ увѣренности въ вѣчную жизнь, видно изъ собственныхъ словъ Его: „И Я знаю, говоритъ Спаситель, что заповѣдь Его есть жизнь вѣчная. Итакъ, что Я говорю, говорю, какъ сказалъ Мнѣ Отецъ“ (Ин. 12, 50). Едва ли можно найти въ Евангеліи другое мѣсто, которое, при своей простотѣ, звучало бы болѣе торжественно.

Эти слова: „и Я знаю, что заповѣдь Его есть жизнь вѣчная“ — исполнены, въ высшей степени, той непосредственной укрѣпляющей и вдохновляющей силы, которая присуща Евангелію, и которая такъ могущественно дѣйствуетъ на духъ всякаго непредубѣжденнаго человѣка.

Вышеуказанное изреченіе Спасителя дополняется предшествующими Его словами: ибо Я говорилъ не отъ Себя; но пославшій Меня Отецъ, Онъ далъ Мнѣ заповѣдь, что сказать и что говорить. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ Иисусъ Христосъ находитъ нужнымъ подтверждать авторитетъ Своихъ изреченій указаніемъ на Отца, и можетъ Онъ нигдѣ не дѣлаетъ этого съ такою настойчивостью, какъ въ приведенныхъ словахъ. Заявляя о вѣчной жизни, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ *дважды* повторяетъ, что высказать это заповѣдано Ему самимъ Отцемъ. Все это достаточно указываетъ, какую важность Онъ придавалъ вѣрѣ въ вѣчную жизнь. Та же сильная увѣренность выражается и въ словахъ апостоловъ. Съ поразительной силою убѣжденія говорить, напр., апостоль Павелъ о воскресеніи и будущей жизни въ 1 Кор. Загробная жизнь сдѣлалась у апостоловъ предметомъ твердой, непоколебимой увѣренности, потому что имъ дано было зрѣть во-очію, эту посмертную жизнь — въ лицѣ воскресшаго Христа (1 Кор. 15,

Мѣсто камня, гдѣ молился Преподобный Серафимъ, въ Саровской пустыни.

3—8; 14—12). Итакъ, мы можемъ сказать, что существовали члены великой человѣческой семьи, для которыхъ *вѣра* въ вѣчную жизнь превратилась въ *благодатное знаніе*.

Эта благодатная *вѣра* воодушевляла первыхъ христіанъ, она же ярко свѣтилась въ жизни всѣхъ святыхъ Божіихъ, и почти на нашихъ глазахъ, такъ ярко проявлялась, напр., въ жизни св. Серафима Сар., Амвросія Опт., І. Кронштадскаго, которые еще на землѣ, какъ будто, преступили таинственную грань міра сего и жили далеко за его предѣлами. Они имѣли именно благодатное знаніе о будущей жизни, отблескъ которой словно отражался на ихъ всегда дѣтски радостныхъ лицахъ и въ восторженныхъ рѣчахъ ихъ, какъ людей, подобно ап. Павлу, испытавшихъ „восхищеніе до третьяго неба“ и слышавшихъ тамъ „неизреченные глаголы“...

Вотъ и намъ, въ христіанской жизни, необходимо благодатное знаніе о будущей жизни или твердая увѣренность въ вѣчной жизни, свѣтомъ и дыханіемъ которой всегда жили и живутъ истинно вѣрующіе христіане. „Заповѣдь Его есть жизнь вѣчная!“ Между тѣмъ для насъ „вѣчная жизнь“, большею частью, туманный вопросъ философіи, который въ современной матеріалистической наукѣ рѣшается отрицательно. И въ современной художественной литературѣ то и дѣло выводятся на сцену люди, которые не вѣрятъ ни въ какую вѣчную жизнь и отрицаютъ безсмертіе человѣческой души... Какъ мы удалились отъ Евангелія и отъ истиннаго христіанства! „Если Христосъ не воскресъ, говорить Апостоль, то тщетна наша вѣра“. Если въ насъ нѣтъ увѣренности въ загробной жизни, то мы тщетно вѣримъ въ Бога и въ жизнь. Отрицающіе загробную жизнь и не вѣрятъ въ Бога и тяготятся жизнью, какъ не имѣющей никакого смысла и цѣли. Но эта „безсмыслица жизни“—величайшая недѣлность, свидѣтельствующая о помраченіи человѣческаго ума—безъ свѣтлой жизненной идеи Бога и вѣчной жизни...

Намъ нужно приобрести увѣренность въ вѣчной жизни, такъ чтобы увѣренность эта превратилась для насъ въ благодатное знаніе. „Сія же есть жизнь вѣчная, говоритъ Спаситель, да знаютъ Тебя единого истиннаго Бога и посланнаго Тобой Иисуса Христа“ (Ин. 17, 3). Вдумайтесь, почувствуйте это торжественно-молитвенное воззваніе Господа. Мы читаемъ, но мало чувствуемъ Евангеліе. Жизнь вѣчная—это не только мысль ума, но и больше всего трепетаніе сердца, вдохновеніе чувства. Мы стараемся *понять* и удаляемся отъ вѣчной жизни, которая обитаетъ внутри насъ...

Вѣчная жизнь есть *познаніе* Бога и Иисуса Христа; а познавать Бога мы можемъ только приближаясь къ Нему умомъ и сердцемъ, соединяясь душой

съ Нимъ въ *молитвѣ*. Молитва—это начало и конецъ познанія въ Богѣ вѣчной жизни. Если вы будете искренно и постоянно молиться Богу—Источнику жизни временной и вѣчной, тогда поймете то, чего теперь не понимаете, услышите то, чего теперь не слышите, увидите тогда предъ собою свѣтъ въ ночной тѣмѣ; и чѣмъ болѣе будете входить въ общеніе съ Богомъ посредствомъ молитвы, тѣмъ болѣе будете становиться лучшими, болѣе спокойными, болѣе торжествующими надъ своими сомнѣніями, болѣе вѣрующими, болѣе способными познавать истину вѣчной жизни.

Молитва къ Богу—это дыханіе безсмертной души человѣческой, соединяющейся съ Богомъ въ вѣчной жизни. Богъ есть Духъ вѣчный, и Онъ очень близокъ къ человѣческой душѣ, и душа къ Богу. „Нѣтъ иной такой близости и взаимности, говоритъ преп. Макарій В., какая есть у души съ Богомъ и у Бога съ душою... Разсматривай неизреченныя тайны души, съ которой Господь снимаетъ лежащую на ней тьму и открываетъ ее и Самъ открывается ей. Какъ расширяетъ и распространяетъ мысли ума ея и въ широту, и въ долготу, и въ глубину, и въ высоту всей видимой и невидимой твари“. Вотъ гдѣ глубочайшая тайна вѣчной жизни въ Богѣ, которая открывается душѣ, соединяющейся съ Богомъ въ молитвѣ...

Вотъ почему Господь и заповѣдалъ намъ непрестанно молиться: потому что молитва соединяетъ насъ съ Богомъ въ вѣчной жизни и даетъ именно благодатное познаніе этой жизни. „Сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога и Его же послалъ въ міръ Иисуса Христа“ (Ин. 17, 3). Первые христіане и святые Божіи день и ночь проводили въ молитвѣ, и потому они имѣли непоколебимую увѣренность въ вѣчной жизни,—такую увѣренность, которая можетъ быть названа благодатнымъ знаніемъ.

Н. Б.

Послушаніе Христово.

Вѣдана міръ дѣлитъ людей на образованныхъ, просвѣщенныхъ и—простыхъ, непросвѣщенныхъ книжнымъ ученіемъ и наукой. Послѣдніе принадлежатъ къ тѣмъ „простецамъ“, кои слывуть на языкѣ интеллигентовъ „темнымъ народомъ“. Правда, въ простомъ народѣ не мало „темноты“ умственной, нравственной и религіозной. Духъ этихъ людей есть духъ работы физической. По „младенчеству“ своего ума они вносятъ этотъ духъ и въ религію, и потому думаютъ, напр., стяжать царство небесное одними физическими подвигами, напр., частымъ хожде-

ніемъ въ церковь, многими поклонами, продолжительными и изнурительными путешествіями по св. мѣстамъ, стояніемъ на колѣнахъ и пр., не обращая большаго вниманія на усовершеніе и возвышеніе духа. Кромѣ сего простой народъ, по необразованности и грубости своей, бываетъ исполненъ многими грубыми предразсудками и суевѣріями. Но за то онъ больше свободенъ отъ многихъ пороковъ, напр., гордости, роскоши, обмана, лицемерія, тщеславія, лживости, разврата,—свойственныхъ высшимъ образованнымъ сословіямъ, гораздо откровеннѣе, расположеннѣе къ религіи и способнѣе къ нравственному исправленію.

Образованные, ученые люди, большею частью, отрицательно относятся къ религіи, многіе изъ нихъ не вѣрятъ въ Божественное откровеніе и христіанскіе догматы, не признаютъ Церкви, смѣются надъ церковными обрядами и проч. Въ гордости своего „образованнаго“ ума, они многого не понимаютъ въ религіи; выше всего они ставятъ „просвѣщеніе“ и научное знаніе, и не могутъ смириться и плѣнить „умъ свой въ послушаніе вѣры“. Мало того, нѣкоторые изъ этихъ „просвѣщенныхъ“ людей, не довольствуясь тѣмъ, что сами ни во что не вѣрятъ, стараются и другихъ оторгнуть отъ истинной вѣры, распространяя среди простыхъ людей разныя лжеученія. И неизреченна милость Божія въ томъ, что Онъ хранитъ простыхъ людей отъ лукавыхъ свѣтей лжеучителей, давая ихъ слуху большую чистоту, нежели какую имѣютъ сердце и уста сихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ каждый „простой“, необразованный человѣкъ, сознавая свою не книжность, не ученость, долженъ молиться усердно Господу о сохраненіи себя отъ обольщеній лжесловесниковъ. И при томъ долженъ знать, что истинная простота не есть предосудительное неразуміе или невѣжество, а состоитъ въ томъ, когда человѣкъ, покоряя свой разумъ въ послушаніе Христово, прилѣпляется и мыслью и сердцемъ единственно къ слову Божію, подобно младенцу, прильнувшему къ персямъ своей матери...

Тысячи людей заняты богатствомъ и удовольствіями міра сего; они не могутъ и не хотятъ оторвать отъ нихъ сердца своего, и не могутъ покорить разумъ свой въ послушаніе Христово, что бы вѣрить слову Божію, что удовольствія вредятъ душѣ, что богатство служитъ препятствіемъ ко спасенію. Тысячи людей заняты до ослѣпленія блескомъ своего званія и своихъ великихъ талантовъ; они считаютъ себя великими людьми, сильными умами, и поэтому смиреніе и приниженіе себя имъ кажется до невозможности труднымъ; они не могутъ смирить умъ свой въ послушаніе Христово и повѣрить слову Божію: „если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ

царствіе небесное“ (Мѡ. 18, 3; срв. Мрк. 10, 15). „Если не будете, какъ дѣти“,—въ этомъ и заключается „послушаніе Христово“, которымъ отличаются *простые* умомъ и сердцемъ люди. Они, какъ дѣти, охотно вѣрятъ Слову Божію, покоряя умъ свой въ „послушаніе вѣрѣ“ (Римл. 14, 25). Пока „интеллигентъ“ будетъ разбираться умомъ въ религіозной истинѣ и затемнить ее ненужными словами и опредѣленіями, „простецъ“ почувствуетъ истину сердцемъ и въ немногихъ словахъ выскажется о ней... Пусть эти простые слова похожи будутъ на лепетъ ребенка, но въ нихъ скажется простая искренняя вѣра дѣтскаго сердца, которая ставитъ людей всегда ближе къ Богу, чѣмъ мудрованіе философовъ, отъ которыхъ сокрыты тайны царства Божія—именно потому, что эти мудрецы далеки отъ послушанія вѣрѣ...

„Послушаніе Христово“, въ смыслѣ покоренія ума нашего вѣрѣ—это одна изъ тайнъ христіанской религіи, доступная только сердцу человѣка. Она познается глубоко-внутреннимъ религіознымъ опытомъ. Нужно „поставить себя въ младенческий образъ мыслей, говорить св. Исаакъ Сир.—пріобрѣсть „простоту чистоты“, „простоту и чистоту ума“, „обратиться и быть, какъ дитя“ (Мѡ. 18, 13), чтобы имѣть вѣру Божію, которая проникаетъ въ тайны царства небеснаго. Нужно имѣть „кротость, смиреніе“, разсуждаетъ преп. Сирѣкъ и Богословъ, отъ всей души и отъ... считатъ себя скуднѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ паче всѣхъ людей, потому что тайны открываются смиренномудрымъ“... „Поэтому человѣкъ, учитъ св. Исаакъ Сир., очищай душу свою, свергни съ себя попеченіе о томъ, что внѣ твоего естества, потому что смиреннымъ дается откровеніе тайнъ“... „Безъ этого качества смиренія и послушанія вѣрѣ отъ чистаго сердца никто не познаетъ Божественныхъ тайнъ, хотя бы былъ первымъ философомъ въ мірѣ“... Вѣдай, чадо, пишетъ преп. Симеонъ, что Богъ не благоволитъ много ни къ посту, ни къ бдѣнію, ни къ другому какому тѣлесному труду и дѣлу, и не являетъ Себя никому другому, кромѣ только смиренной, непытливой и благой души и сердца“ (Слова, вып. 2).

Б.

Изъ пастырскихъ хаблюдекій.

(Окончаніе. См. № 41).

II.

Исцѣленіе послушника отъ грыжи.

Удостоившись получить отъ Царицы Небесной милость—благодатное исцѣленіе отъ грыжи въ паху, послушникъ Геесиманскаго скита NN ¹⁾ по по-

¹⁾ Имени и фамиліи сего послушника, вѣдѣствіе его просьбы, не означаю.

воду этого повѣдалъ пишущему эти строки слѣдующее:

„Лѣтъ 12 тому назадъ мнѣ пришлось такъ сильно понатужиться при поднятіи бревна, что у меня въ паху появилась грыжа ¹⁾ Я обратился къ одному, а затѣмъ и еще къ нѣсколькимъ врачамъ—спеціалистамъ, и всѣ они совѣтовали мнѣ прибѣгнуть къ операциі (впрочемъ, одинъ изъ нихъ былъ противъ этого, усматривая могущую быть при операциі опасность отъ слабости сердца), поясняя, что другого исхода къ освобожденію отъ грыжи нѣтъ. Между тѣмъ операциа весьма страшила меня. И потому я не рѣшался на нее, а, купивъ за 3 руб. ординарный бандажъ, сталъ маяться со своимъ недугомъ. Спустя нѣсколько времени, по совѣту своихъ друзей, я замѣнилъ этотъ бандажъ другимъ—двойнымъ, болѣе практичнымъ, заплативъ за него 5 руб. Затѣмъ, испытывая отъ стальной пружины (пояса) бандажа жженіе въ тѣлѣ, я, согласно объявленію въ газетахъ, выписалъ (за 8 р.) изъ Лондона бандажъ съ резиновымъ поясомъ, послѣ чего освободился отъ этого жженія, но, конечно, не отъ боли, причиняемой грыжей. Наконецъ, угнетаемый недугомъ, я сталъ прибѣгать къ благодатнымъ средствамъ: ѣздилъ къ чудотворнымъ иконамъ Божіей Матери—„Козельщанской“ и „Млекопитательницы“, что на Ильинскомъ, въ Одессѣ, подворья, а тамъ же къ нѣкоторымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, беря отовсюду св. масло, которымъ и мазалъ больное мѣсто. Между тѣмъ помощи не было.

Насталъ Успенскій 1911 г. постъ, и до моего свѣдѣнія дошло, что меня назначили на другое послушаніе, и именно—на такое, гдѣ приходится поднимать немалыя тяжести. Тутъ-то я и заскорбѣлъ, что называется; открытъ же о своемъ недугѣ никому не рѣшался, изъ опасенія, что какъ-бы меня не выслали изъ обители. И вотъ, исполненный сердечной туги, я иду въ „пещеры“ къ чудотворной иконѣ Божіей Матери „Черниговской“, повергаюсь передъ нею на колѣни и съ сердечнымъ жаромъ молюсь объ исцѣленіи меня. При этомъ (грѣшное дѣло) я какъ-бы съ укоромъ скавалъ: Что же это, Матерь Божія: сколько уже Ты исцѣлила людей, притекавшихъ къ сему Твоему образу за сотни и даже за тысячи верстъ, а меня не исцѣляешь!? Вѣдь меня, какъ недужнаго и, свѣдѣтельно, неспособнаго къ послушанію, могутъ (какъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ думается) выслать изъ обители, чего мнѣ весьма нежелательно. Посему прошу Тебя, Царица Небесная, смилуйся надо мной—исцѣли меня, грѣшнаго и малодушнаго раба Твоего.

¹⁾ По причинѣ сего недуга присутствіе по воинск. повин. предоставило меньшему его брату льготу.

Послѣ сего я взялъ маленькій флакончикъ св. масла отъ чудотворной иконы и началъ крестообразно пальцами, какъ раньше былъ наученъ однимъ старцемъ-духовникомъ, мазать больное мѣсто. И что же? Дня черезъ два смотрю—грыжа моя безслѣдно исчезла, боли также никакой не ощущается... Слава Тебѣ, Господи, и Тебѣ, Преподобная!—отъ великой радости воскликнулъ я, и, конечно, счелъ непремѣннымъ долгомъ—излить въ молитвѣ, какъ умѣлъ, свою благодарность Царицѣ Небесной у самой чудотворной Ея иконы.

При отправленіи на вновь назначенное мнѣ послушаніе у меня возникла мысль—какъ-бы отъ тѣхъ тяжестей, которыя я долженъ буду поднимать, опять не появилась у меня грыжа. И потому я подвязалъ на свое мѣсто бандажъ, подвязывалъ его и еще нѣсколько разъ. Потомъ сталъ исполнять тяжелыя работы уже безъ бандажа, продолжаю ихъ такимъ образомъ и доселѣ, и ничего, слава Богу, теперь ни боли, ни даже какихъ-нибудь признаковъ грыжи у меня не обнаруживается, чему я несказанно радъ“.

Достоверность сихъ двухъ чудесныхъ случаевъ оба позлушника готовы подтвердить даже подъ присягой.

І. К—сть.

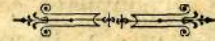
Преподобный Маркіанъ.

Преподобный Маркіанъ пресвитеръ питалъ особенное благоговѣніе къ св. мученицѣ Анастасіи, устроилъ въ честь ея церковь и пожелалъ перенести въ нее ея св. мощи. Для послѣдняго имъ приглашенъ былъ патріархъ Геннадій, много духовенства и собралось множество народа. Когда шествіе съ мощами мученицы открылось и Маркіанъ шелъ передъ ними, одинъ изъ нищихъ сталъ просить у него милостыни. Денегъ у Маркіана не было, но онъ не задумался. Скрывшись на минуту отъ народа, онъ снялъ съ себя одежду, отдалъ ее просившему, а самъ остался въ одной только священнической ризѣ. Поступка его никто не замѣтилъ. Мощи затѣмъ были перенесены и поставлены на свое мѣсто; началась Божественная литургія. Маркіанъ присоединился къ числу служащихъ.—По причащеніи св. Таинъ послѣдніе приступили къ умовенію рукъ и съ ними Маркіанъ. Стараясь скрыть недостатокъ въ одеждѣ, онъ, озираясь на окружавшихъ его, все оправлялъ на себѣ свою ризу, а окружавшіе между тѣмъ... о чудо! видѣли, что подъ ризой его надѣта была на немъ чудная царская одежда. Это соблазнило ихъ

и они доложили о семъ патриарху. „Да я и самъ видѣлъ тоже, что вы видѣли на немъ!“—отвѣчалъ имъ святитель. По совершенномъ окончаніи службы, онъ нарочно отозвалъ къ себѣ преподобнаго и сказалъ ему: „поступаешь вопреки закону, братъ! Ну, прилично ли было литургисать тебѣ въ одеждѣ царской“? Маркіанъ со смиреніемъ палъ къ ногамъ святителя и воскликнулъ: „прости меня, владыко, я не виновенъ въ этомъ“! „Да мы всѣ видѣли тебя въ царской одеждѣ, продолжалъ патриархъ, зачѣмъ запираешься“? Но въ это время нѣкто изъ присутствующихъ открылъ ризу преподобнаго и всѣ увидали тѣло его безъ всякой

вѣтъ множествомъ своихъ струповъ и красотою поязовъ желалъ имѣть ихъ. (Филар. М. Москов.). Вѣдь—твоя роскошь чужой потъ и кровь... Твое богатство стыдъ твой...

„Когда поутру надѣваешь на себя одежду, приводи себѣ на память первый грѣхъ нашъ, который сдѣлалъ ее для тебя необходимою. Когда вечеромъ слагаешь ту же одежду, переносись мыслию къ будущему воскресенію изъ мертвыхъ, когда опять не будетъ нужды ни въ какомъ одѣяніи“ (Иннок. Архіеп. Херсон.).

Отправленіе новобранца на военную службу.

одежды. Тутъ узнали и о его поступкѣ съ нищимъ и всѣ поняли, что видѣнное на немъ одѣяніе царское было къ нему особеннымъ чудеснымъ знакомъ милости Божіей. Всѣ прославили Бога.

Вы хотите одѣться въ свѣтъ и золото: хотите свѣтлыхъ одеждъ—одѣвайте нагихъ и Христосъ облечетъ васъ въ одежды—сіяющія—какъ одежды Его ангеловъ.

* * *

Что значить эта гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора покрытую вретичемъ или полураздѣтую нищету,—это непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы?—Не есть ли это нѣчто подобное тому, какъ если бы больной вздумалъ тщесла-

Изъ пастырскаго дневника.

(Продолженіе. См. № 41).

Но пастырю церкви да и всякому вѣрующему не слѣдуетъ убаюкивать себя сознаніемъ того, что все съ виду обстоитъ благополучно. Всегда, а особенно теперь онъ долженъ стоять на стражѣ. Есть картина покойнаго В. В. Верещагина „На Шипкѣ все спокойно“: солдатъ, полузасыпанный снѣгомъ, стоитъ, опираясь на винтовку, и въ такомъ положеніи замеръ. И не вѣрится, при взглядѣ на такую картину, что на Шипкѣ все спокойно.

Вотъ такъ и здѣсь. Правдивы и краснорѣчивы факты Е. Поселянина и забываешь какъ будто о многомъ, подъ впечатлѣніемъ ихъ, но забывать то

забываешь, да не надолго. Грозно выдвигаются и другіе факты. Факты поруганія вѣры, легкомыслія, свободомыслія, кощунства, богоотступничества заставляютъ вспомнить о томъ, что все же многіе ушли и уходятъ отъ вѣры и Церкви православной, что многіе борются съ нею, стараются всѣми силами подорвать вѣру, поколебать святыя авторитеты.

И вотъ, какъ бы для того, чтобы не дать забыть и объ этомъ, та же почта, съ которою полученъ № 5 „Русскаго паломника“ со статью Поселянина, принесла и № 158 „Троицкаго слова“ со статью Преосвященнаго Никона, б. Вологодскаго. Статья озаглавлена: „Вѣра Христова не терпитъ двоедушія“. Мучительно больно, тяжело и обидно становится на душѣ по прочтеніи этой статьи. Больно за наше святое Православіе, обидно за поруганіе вѣры, прискорбно и тяжело за поруганіе религиозныхъ чувствъ нашей св. Руси.

Какія скорбно-мучительныя слова вылились изъ сердца епископскаго! „Съ каждымъ днемъ все тяжелѣе становится жить. Атмосфера наполняется какимъ то удушливымъ смрадомъ издѣвательства, при томъ, положительно, систематическаго, надъ всѣмъ, что намъ дорого, что намъ священно: насъ прямо изводятъ, отравляютъ какимъ то медленнымъ, но тѣмъ не менѣе мучительнымъ ядомъ, и въ книгахъ, и въ газетныхъ листахъ, и въ рекламахъ, и на разныхъ лекціяхъ, и на сценѣ, и якобы на художественныхъ произведеніяхъ.

По истинѣ, мы можемъ буквально повторить слова Псалмопѣвца: *„Весь день поношаху ми врази мои, обидоша мя, яко пси мнози... Суди, Господи, обидящія мя“*!

Иной разъ думаешь: не мелочи ли все это, стоитъ ли обращать вниманіе на какую либо газетную выходку? Однакоже, можно ли шутить, можно ли равнодушно говорить о томъ, что широкою волною отравляетъ и всю нашу интеллигенцію и далѣе весь народъ? Не грѣшно ли? (Троицкое Слово № 158 стр. 123).

Эти скорбныя слова архипастыря вылились подъ впечатлѣніемъ отъ массы фактовъ кощунства и поруганія вѣры: изображеніе „Голгофы“ на рекламахъ гильзы Катюка, тенденціозный подборъ рисунковъ и статей Сытинскаго календаря, объявленія о продажѣ грамофонныхъ пластинокъ—Кондакъ св. Николаю Чудотворцу и „вѣрная—манерная“ (вѣроятно, какая нибудь пошлая пѣсня) „Не имамы инья помощи“ и... арія Зорики!.. Поруганіе царскихъ портретовъ на почтовыхъ маркахъ, изображеніе крестнаго хода съ Митрополитомъ Макаріемъ во главѣ и—сейчасъ же внизу—голая натурщица... Душа болитъ, сердце разрывается отъ этихъ фактовъ. Мѣста себѣ не находишь. Что дѣлать? Если бы это происходило въ государствѣ

нехристіанскомъ, а то вѣдь у насъ на святой (только святая ли она теперь?) Руси!

Теперь,—какъ же сопоставить факты и выводы Е. Поселянина съ обратными фактами и выводами Преосвященнаго Никона? Неужели Е. Поселянинъ не видитъ того, что видитъ Преосв. Никонъ, а Преосв. Никонъ не знаетъ того, что знаетъ Поселянинъ?

Конечно, архіепископу Никону, какъ члену св. Синода, лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно число строящихся ежегодно храмовъ, открывающихся монастырей, извѣстны ему и всѣ другіе факты, приводимые Е. Поселяниномъ. И безъ сомнѣнія, Е. Поселянину неоднократно приходилось видѣть и слышать частые, почти безпрестанные случаи кощунства, богохульства, поруганія святыни.

Но какъ же примирить впечатлѣнія, навѣяанныя чтеніемъ той и другой статьи? Оскудѣла или нѣтъ вѣра на св. Руси?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, или-лучше сказать, разъясненіе этого вопроса мы можемъ найти въ пророческихъ словахъ Спасителя: „тогда двое будутъ въ полѣ: одинъ беретъ, а другой оставляется, двѣ мелющія въ жерновахъ: одна беретъ, а другая оставляется“ (Мѣ. 24,40.41).

Вспоминаются и другія слова Спасителя о раздѣленіи, которое произойдетъ даже между членами одной семьи (Мѣ. 10, 34—36; ср. Лк. 12, 51—53). Такимъ образомъ, по непреложному пророчеству Спасителя нашего, этому раздѣленію должно быть. И мы видимъ это раздѣленіе на два стана, враждебныхъ одинъ другому. Было это раздѣленіе на вѣрующихъ и невѣрующихъ, друзей Христа и враговъ Его, почитателей и служителей Бога и Его распинателей и хулителей,—всегда: и во времена Христа, и въ послѣдующіе вѣка, есть и въ наше время, только въ наше время это раздѣленіе особенно сильно, пропасть особенно глубока. Тогда, какъ одни самотверженно идутъ въ самыя отдаленныя страны съ проповѣдью о Христѣ, другіе—всѣ силы полагаютъ на разрушеніе христіанства. Одни строятъ церкви, созидаютъ монастыри, украшаютъ св. алтари—другіе поджигаютъ храмы, похищаютъ св. иконы, клеветуютъ изо всѣхъ силъ на духовенство, проливаютъ крокодиловы слезы о „милліонныхъ цѣнностяхъ, являющихся мертвымъ капиталомъ—въ видѣ украшеній иконъ, престоловъ и т. п.“—тотъ же вопросъ Иуды: „чего ради трата сія бысть“? Теперь одни въ душахъ и въ тѣлахъ прославляютъ Бога, отказываясь отъ всѣхъ радостей жизни,—а другіе съ пѣною у рта хулятъ Бога при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пастырь.

Свѣтлые люди.

(очеркъ).

Посвящается А. Б. Базилевской.

Арефьевна не имѣла высокаго положенія, не обладала большимъ капиталомъ, но имѣла чуткое доброе сердце, была глубоко вѣрующей русской женщиной и всѣхъ знавшихъ ее, въ горѣ и бѣдѣ, какъ-то невольно тянуло именно къ ней, а не къ кому-либо другому. Ужъ и самая внѣшность ея: маленькій ростъ, желтоватое, съ правильными чертами, лицо, обрамленное бѣлыми какъ лунъ волосами и добрые сѣрые, немного выцвѣтшіе глаза, мягкая легкая походка и особая ласковость жеста и рѣчи какъ-то невольно влекли и манили къ себѣ.

Лѣтъ своихъ она не знала и, когда ее спрашивали, то обычно говорила:

— Вотъ ужъ, батюшка мой, доподлинно сказать вамъ не могу. Считала до 85, а тамъ и сбилась.

Жила она на крошечную пенсію за службу мала въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ переулковъ въ Рогожской заставой, занимая маленькую, съ вѣтлюю комнатку, почти сплошь заставленную какими-то сундуками и коробками.

Еще въ студенчій ранокъ, какъ-то въ пять утра, она долгое время стояла на молитвѣ, устремивъ свои старческіе, полные слезъ глаза на лики угодниковъ Божіихъ и неспѣшной походкой шла въ ближайшій храмъ къ обѣднѣ, оставляя отпертой свою комнату.

Когда ссѣди указывали ей, что въ ея отсутствіе туда можетъ забраться недобрый человѣкъ и что либо похитить, то она, творя крестное знаменіе, говорила:

— А будь что святая воля! Возьмутъ—такъ тому и быть. Воръ то, не съ радости идетъ на такое дѣло, а губить душу свою: знать ужъ нужда и горе одолѣютъ.

Никогда и ни для кого у нея не было слова осужденія, и никто и никогда не помнилъ, чтобы она выходила изъ себя или сердилась. Всегда ровная и покойная, прощающая все и вся, съ кроткой, умиротворяющей улыбкой на устахъ, она повсюду вносила миръ и утѣшеніе, вездѣ была дорогой, желанной гостью.

Со всѣми, кто бы то ни былъ, она дѣлилась, чѣмъ могла, никогда не спрашивая обратно и довольная, почти счастливая, обязательно крестясь, говорила:

— Не дай Богъ взять—дай Богъ дать. Другой человѣкъ и просить не можетъ: такъ всякій долженъ самъ предложить ему.

Когда случались у сосѣдей ссоры, свары или

семейныя непріятности, то Арефьевна безъ зова, сама шла туда и внушительно ласковымъ словомъ, ссылаясь на примѣры изъ житій святыхъ, быстро прекращала готовую разростись и окрѣпнуть вражду.

Въ особенности она возставала противъ женскихъ сплетенъ и злословія:

— Ну какъ же вамъ не стыдно, матери вы мои? На то ли намъ языкъ то данъ, что бы мы имъ судили ближнихъ. Да и кто же это кромѣ Господа можетъ то, а? Для молитвы, да для дѣла долженъ служить онъ намъ, а вы на-ко-ся что... Бросьте, бросьте, а то уйду и нога моя больше не будетъ.

Послѣдняя угроза всегда дѣйствовала и пересуды сейчасъ же прекращались.

Часто встрѣчая дорогой полуголаго, трясущагося съ перепоя человѣка, она останавливалась, долго съ участіемъ говорила съ нимъ, и кончалось обычно тѣмъ, что Арефьевна вела его къ себѣ, поила чаемъ и снабжая, чѣмъ могла, буквально, чуть не со слезами умоляла бросить пить, доказывая весь вредъ алкоголя.

А по уходѣ его долго качала своей сѣдой головой и говорила:

— Ну кто, отцы мои, пожалѣетъ такого? Всякій мимо пройдетъ, а онъ то и нуждается въ ласкѣ и ободреніи.

Лѣтишекъ, кипмя кипѣвшихъ въ этомъ переулкѣ, она по цѣлымъ днямъ учила молитвамъ, рукодѣлію и часто сама просила родителей отпустить ихъ къ ней „погостить“, говоря:

— На что они вамъ—мѣшаться только, да еще не приведи Богъ, что дурное увидятъ. А у меня и имъ хорошо, да и мнѣ занятно. Самъ Батюшка Спаситель сказалъ: „сихъ бо есть царствіе небесное“.

О себѣ, о своей прежней жизни, она никогда не говорила и не любила, когда ее спрашивали объ этомъ.

— Жила, какъ и всѣ живутъ.

Это былъ постоянный, стереотипный отвѣтъ на вопросы любопытныхъ.

Но она столько вносила тепла, свѣта и добра въ своей настоящей жизни въ окружающую среду, что о прежнемъ никто не допытывался, вполне увѣренный, что и тогда, въ молодости, она была глубоковѣрующимъ человѣкомъ, хорошей женой и матерью.

— Не правы тѣ,—говорила Арефьевна,—кто думаетъ, что добро и пользу можно дѣлать только будучи богатымъ, умнымъ или знатнымъ. Часто для спасенія человѣка достаточно одного добраго ласковаго слова. Желая осудить, вспомни свои недостатки; желая помочь, забудь про свою бѣдность и подѣлись, чѣмъ можешь. Лучше дать—чѣмъ взять.

И эта простая, чистая сердцем женщина дала столько добра, что память о ней, несмотря на то, что пять лет прошло с ее кончины, до сих пор жива в грязном и узком переулке далекой Рогожской.

Она заболела в великом посту, когда, говья, ходила в церковь. Перемогалась, сколько возможно, наконец слегла.

— Господи—как бы хотелось дожить до Светлого дня,—говорила она.

— Матушка ты наша, ради слез наших, что осушала ты, дасть Милосердный тебѣ эту радость, возражали ей сосѣдки. И правда: лишь пришли отъ свѣтлой заутрени и дали ей кусочекъ освященной пасхи, какъ она, скушавъ, попросила отойти и не мѣшать ей уснуть.

Утомленная бессонной ночью и долгимъ стояніемъ вѣ церкви вѣ, разговѣвшись, легла спать. А когда на утро подошли къ постели Арефьевны, то нашли похолодѣвшій трупъ, съ ласковой, какъ и при жизни, улыбкой на устахъ и крѣпко прижатыми ко лбу крестообразно сложенными пальцами правой руки.

Сергій Горбуновъ.

Отвѣты вопрошающимъ.

Вопросъ. (подп.—чл № 4140). Мой отецъ умеръ 12 июня преп. Анны, но я не знаю ея житія. Гдѣ я могу достать его?

Отвѣтъ. Житіе преп. Анны и сына ея Іоанна можно прочитать только въ полныхъ Четь-Минеяхъ (июнь, 13), каковыя, вѣроятно, должны имѣться при вашей приходской церкви.

Вопросъ (свящ. Д. Самонъ). 1) Если какое либо лицо провело до поступленія на священно-служительскую должность 15 лѣтъ на государственной службѣ, будутъ ли эти года приняты въ счетъ при назначеніи пенсіи за священническую службу? 2) Могутъ ли установленный въ память 300 лѣтъ дома Романовыхъ юбилейный крестъ носить и священники, посвященные послѣ 21 февраля 1913 г.?

Отвѣтъ. 1) Гражданская служба не можетъ быть принята въ счетъ пенсіи священнослужителю. 2) Полагаемъ, что могутъ, ибо кресты эти не суть знаки отличія, въ родѣ наградъ.

Вопросъ (свящ. В. Руфина). По существующимъ узаконеніямъ освобождаются ли отъ военной службы псаломщики, окончившіе курсъ во второкл. церк. приход. школахъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, не освобождаются.

Вопросъ (подп. N). 1) При какихъ условіяхъ дается «глухая исповѣдь»? 2) Могутъ ли совершать литургію два священника, состоящіе въ родствѣ (одинъ жеватый на сестрѣ другого)?

Отвѣтъ. 1) Глухая исповѣдь совершается, когда больной лишается языка или находится въ безпамятствѣ; исповѣдь такая повторяется, когда больной приходитъ въ сознаніе. Если же нѣтъ надежды на это, то священникъ читаетъ обычную разрѣшительную молитву, если только знаетъ, что умирающій вѣровалъ въ Иисуса Христа и принадлежалъ къ церкви. 2) Сослуженіе на литургіи священниковъ, находящихся въ родствѣ, не воспрещается. Когда то Регламентомъ (арт. 27) запрещалось, вообще, служеніе родственниковъ при одной церкви въ случаѣ злоупотребленій. Нѣ это запрещеніе имѣетъ только историческое значеніе.

Вопросъ (В. Сорокина). N—ской. губ., при селѣ О. на фабрикахъ у насъ болѣе 20 лѣтъ велись духовно-нравственные бесѣды по праздникамъ. Прочитывались поученія на Евангелія, апост. посл. и др. свящ. книги, при общемъ пѣніи. Прочитывались также, съ общимъ пѣніемъ, акаѣисты. Иногда на этихъ бесѣдахъ бывалъ священникъ. Бесѣды разрѣшены были дух. начальствомъ. Но теперешній архіепископъ противъ этого, говоря, что мірянамъ нельзя читать акаѣисты безъ священника. Всѣ отъ этого въ недоумѣніи и приходится хотъ закрывать бесѣды, на которыя собирается болѣе 150 человекъ.

Отвѣтъ. По нашему мнѣнію, согласно съ отрицательнымъ отношеніемъ къ духовно-нравственнымъ бесѣдамъ при вашемъ селѣ мѣстнаго архіепископа, веденіе такихъ бесѣдъ и особенно чтеніе акаѣистовъ—безъ священника—неудобно и не позволительно, ибо въ такомъ случаѣ всегда есть опасность заблужденій въ толкованіи мірянами слова Божія, уклоненія отъ православной церкви и вѣры и уподобленія сектантскимъ собраніямъ. Пастырь церкви долженъ быть главнымъ руководителемъ духовно-нравственныхъ бесѣдъ,—тогда никакаго недоумѣнія и заблужденій не будетъ, ибо это будетъ только доброе и святое дѣло.

ВОЗЗВАНІЕ.

Добрые христіане!

Въ молитвенную память о себѣ и о близкихъ вашихъ помогите намъ достроить храмъ въ честь святаго Николая. Постройка вчернѣ закончена. Далѣе—ни какихъ средствъ. Умоляю,—помогите! Имена жертвователей записываются въ синодикъ.

Пожертвованія направлять по адресу: П. О. 1. М. Дачная-Биска, Херсонск. губ. Елисаветинск. уѣзда, священнику есау Олениковки, о. Павтелеймону Карпову. 4—1

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Путеводные огъски. 2) Отвѣты на недоумѣнные вопросы о предметахъ вѣры и нравственности. 3) Жизнь вѣчная. 4) Послушаніе Христово. 5) Изъ пастырскихъ наблюденій. 6) Преподобный Маркіанъ. 7) Изъ пастырскаго дневника. 8) Свѣтлые люди. 9) Отвѣты вопрошающимъ. 10) Воззваніе.

РИСУНКИ: 1) Изображеніе иконы «дѣлованіе Елисаветы». 2) Мѣсто камня, гдѣ молился Преподобный Серафимъ, въ Саровской пустыни. 3) Отправленіе вавобранца на военную службу.

При семь N агается „Современное обозрѣніе“ № 42-й.

Редакторъ-Издатель Священникъ С. С. Л

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго комитета печатаніе дозволяется. Москва, Октября 9-го дня 1913 г. Цензоръ, Протоіерей І.